

**МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ**

Е. В. Змановская

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Теория и практика

ПИТЕР®

Мастера психологии

Елена Змановская

**Современный психоанализ.
Теория и практика**

«Питер»

2011

Змановская Е. В.

Современный психоанализ. Теория и практика /

Е. В. Змановская — «Питер», 2011 — (Мастера психологии)

Современный психоанализ, выросший на ниве идей Зигмунда Фрейда, представляет собой непрерывно развивающуюся систему теорий и методов, призванных раскрыть самые сокровенные стороны человеческой природы. Перед вами одно из первых российских изданий, интегрирующих базовые концепции психоанализа и постклассические аналитические подходы в систему современного научно-практического знания. Наряду с метапсихологией Фрейда и его последователей в книге представлен анализ современных школ психоанализа, описаны основные положения клинического психоанализа и семейной психотерапии. Раскрыты глубинные аспекты группового взаимодействия, харизматического лидерства, деструктивных культов, а также психологических эффектов СМИ. Особое внимание уделено бессознательным фантазиям и скрытым мотивам поведения людей. Книга адресована психологам, врачам, педагогам, социологам, представителям смежных специальностей, а также студентам профильных факультетов высших учебных заведений.

© Змановская Е. В., 2011

© Питер, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Фрейд, гипноз и свободные ассоциации	8
Глубины бессознательного (топографическая модель)	10
Толкование сновидений	12
Влечения и их судьба	17
Стадии психосексуального развития	20
Теория нарциссизма	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Змановская

Современный психоанализ.

Теория и практика

Предисловие

Истина сделает вас свободными.

З. Фрейд

Психоанализ Зигмунда Фрейда стал тем историческим событием, которое кардинальным образом изменило представления людей о самих себе. Появление глубинной психологии, открыто заявившей о господстве влечений и существовании инфантильной сексуальности, в начале XX века было встречено бурным негодованием со стороны консервативно настроенной общественности. Период активного сопротивления психоаналитическому знанию, к счастью, длился недолго и довольно скоро сменился этапом возрастающего интереса к нему. К настоящему времени психоаналитические идеи стали неотъемлемой частью человеческой культуры и нашли применение практически во всех сферах социальной жизни. Одновременно с этим, в силу ряда исторических и психологических причин, имя Фрейда остается окутанным шлейфом неопределенности. Обывательские представления о психоанализе по большей части сведены к упрощенным и весьма далеким от истины штампам, вызывающим противоречивое, а в ряде случаев и необоснованно негативное отношение людей.

Определяя, что есть *психоанализ*, З. Фрейд указывал, что под ним одновременно скрываются: 1) способ исследования психических процессов, недоступных обычному пониманию; 2) метод лечения неврозов; 3) ряд возникших в результате этого психологических теорий. Идея создания общей психологической концепции (*метапсихологии*), раскрывающей основные закономерности психической жизни человека в норме и патологии, никогда не покидала Фрейда. В результате реализации данного замысла были разработаны основные положения классического психоанализа, составляющие теоретико-методологическую основу для всех последующих психоаналитических школ.

Более чем за сто лет своего существования психоанализ претерпел кардинальные изменения. На ниве монотеистической концепции Зигмунда Фрейда выросла сложная научная система, включающая разнообразные теоретические взгляды и практические подходы. Современный психоанализ представляет собой совокупность подходов, объединенных общим предметом исследования, в роли которого выступают *частично или полностью неосознаваемые аспекты психической жизни людей*. Общая цель психоаналитической работы определяется как освобождение индивидов от различных бессознательных ограничений, вызывающих страдания и блокирующих процесс прогрессивного развития.

Отличительной особенностью психоанализа всегда была *тесная связь теории и практики*. Психоанализ зарождался как метод лечения неврозов и развивался как учение о бессознательных процессах, на фундаменте которого постепенно сформировалась научно-практическая система, ориентированная на решение самых различных социальных задач. В современном психоанализе отчетливо выделяются три взаимосвязанных направления: *психоаналитическая теория*, составляющая основу для различных практических подходов, *клинический психоанализ*, ориентированный на оказание психологической и психотерапевтической помощи в случае личностных затруднений или нервно-психических расстройств, и *прикладной психоанализ*, направленный на анализ культурных феноменов и решение социальных задач.

На данном этапе развития психоанализ уже не является монолитным образованием, объединяя в рамках общей методологии множество подсистем. В связи с этим различают две главные парадигмы: *классический (ортодоксальный) психоанализ*, последовательно развивающий идеи, предложенные Фрейдом, и *современный (неортодоксальный) психоанализ*, дополняющий классический подход новыми оригинальными концепциями и методами. Не представляется возможным перечислить все современные психоаналитические теории. В рамках общей канвы выделяются психоаналитические школы, делающие акцент на отдельных теоретических положениях или технических моментах, например кляйнианская традиция, школа Анны Фрейд, теория объектных отношений, эго-психология, структурный психоанализ Лакана и другие.

В качестве альтернативного, но близкого к психоанализу, варианта развивается *психодинамический подход*, используемый многочисленными консолидированными группами, среди которых: юнгианцы, адлерианцы, представители транзактного анализа и многие другие исследователи, чьи оригинальные подходы к теории и практике хотя и отклоняются от основной психоаналитической канвы, но имеют несомненную научную и практическую ценность.

В отношении психотерапевтической практики выделяют три относительно самостоятельных направления: 1) *классическую технику психоанализа (психоанализ)*; 2) *психоаналитическую терапию*; 3) *психодинамические подходы*. В первом случае лечение индивидов выстраивается в максимальном соответствии с методикой, предложенной Фрейдом; во втором случае допускаются некоторые отступления от классических канонов, например, за счет уменьшения количества встреч с пациентом с пяти до двух раз в неделю; в третьем варианте имеют место принципиальные отклонения от первоначальной психоаналитической техники.

Современный психоанализ представляет собой непрерывно развивающуюся систему, в рамках которой классическое наследие закономерно преобразуется в актуальное знание. Любая историческая эпоха фокусирует свое внимание на концепциях, отражающих насущные потребности общества. Если в период творчества Фрейда были особенно популярны *теория влечений* и *концепция инфантильной сексуальности*, то в настоящее время несомненными лидерами в области психоаналитических идей выступают *теория объектных отношений* и *эго-психология*. Одновременно с этим постоянно видоизменяется техника психоанализа.

Перечисленные особенности изучаемого предмета наиболее полно освещены в специальной литературе, среди которой особое место занимает двухтомник *Х. Томе и Х. Кэхеле «Современный психоанализ»* (дословный перевод с немецкого звучит как «Учебник психоаналитической терапии»). Данный труд представляет собой систематизированное руководство по использованию теории и методики психоанализа практикующими психотерапевтами. При всей глубине и содержательности книга Томе и Кэхеле, как и многие другие психоаналитические издания, ориентирована на специалистов, имеющих основательную профессиональную подготовку, неподготовленному же читателю довольно сложно, а в ряде случаев и просто невозможно извлечь пользу из подобной литературы в силу выраженной специфичности последней.

Настоящая работа имеет то же название, однако ориентирована на более доступное для широкой аудитории и одновременно с этим научно обоснованное описание современного психоанализа как динамично развивающейся системы, интегрирующей психоаналитические теории и их практическое применение.

Книга состоит из трех частей. В первой главе раскрываются базовые концепции психоанализа. Здесь представлены основные концепции Зигмунда Фрейда, со здающие единый контекст для всей психоаналитической системы. Вторая глава первой части содержит анализ взглядов Фрейда и его последователей на общественные процессы, составляющие основу современного прикладного психоанализа.

Вторая часть книги посвящена обсуждению современных школ психоанализа, большинство из которых ориентированы на решение клинических задач. Термин *клинический психоана-*

лиз, хотя и не в полной мере, отражает обозначаемую им реальность, достаточно укоренился в сознании людей для обозначения «лечебных» целей психоанализа. Современная практика психоанализа вышла далеко за границы лечения неврозов. Несмотря на то что невротическая симптоматика по-прежнему рассматривается как показание для применения классической техники, современный психоанализ находит адекватные методы оказания помощи лицам с самыми разнообразными проблемами – от обычных психологических затруднений до тяжелых психических расстройств.

Во второй главе второй части раскрываются принципы и особенности организации отдельных форм клинического психоанализа на примере двух основных вариантов: классической техники и современной психоаналитической терапии. Практика показывает, что психоаналитики, изначально ориентированные на индивидуальную работу с пациентом, начинают все более признавать важность парного консультирования и семейной психотерапии. Данное, относительно новое, применение психоанализа стало актуальным в 1960–1970-е годы в связи с наметившейся тенденцией кризиса традиционной патриархальной модели семьи. В настоящее время терапия отношений востребована обществом и может рассматриваться как расширение возможностей аналитика в решении терапевтических задач.

В третьем разделе книги приводятся определение и основные положения *прикладного психоанализа*. На основе этого раскрываются глубинные аспекты актуальных социальных феноменов: группового взаимодействия, массовой культуры, харизматического лидерства, а также психологических эффектов рекламы и СМИ. Для повышения эффективности восприятия читателей перечисленные социальные феномены рассматриваются преимущественно с позиций классического психоанализа. Основное внимание уделяется бессознательным фантазиям и мотивам поведения людей в обществе. На примере современной рекламы демонстрируются возможности применения психоаналитических идей к решению различных социальных задач.

К сожалению, из-за ограниченного объема книги не удалось охватить все современные психоаналитические школы, среди которых юнгианское направление, структурный психоанализ Ж. Лакана, групп-анализ и другие. Данные подходы широко представлены в литературе и достойны отдельного изучения. В настоящем пособии решалась конкретная задача описания современного состояния классической традиции психоанализа. Хочется надеяться, что рассмотренные психоаналитические идеи окажутся полезными как для осмысления собственного жизненного опыта читателей, так и для повышения уровня их профессиональной компетентности.

Е. В. Змановская

Часть 1

Психоанализ как метапсихология

Глава 1

Основные концепции психоанализа Зигмунда Фрейда

Фрейд, гипноз и свободные ассоциации

*И загадок разрешитель, и могущественный царь.
Софокл. «Царь Эдип»*

Долгое время то, что мы называем психоанализом, было творением одного человека – Зигмунда Фрейда. В психоанализе, как в зеркале, отразились и личность Фрейда, и его время.

Зигмунд Фрейд появился на свет 6 мая 1856 года в семье торговца шерстью Якоба Фрейда во Фрайберге (Чехия). Мальчик родился в «сорочке», что позволило родственникам надеяться на его великое будущее. Зигмунд был старшим ребенком в этой семье – с большим перерывом за ним следовали пять сестер и один брат. Вероятно, благодаря данному обстоятельству ответственность за окружающих людей стала основной чертой характера Фрейда.

Семья Фрейда неоднократно переезжала из-за распространявшихся антисемитских гонений. Одним из юношеских потрясений Зигмунда был рассказ отца о том, как один христианин сбил кулаком с него шапку и обругал его «жидом». Но в еще большей степени молодого Фрейда поразил тот факт, что отец не пытался постоять за себя. Фрейд вспоминал: *«Этой ситуации я противопоставил другую, более соответствующую моему чувству: сцена, во время которой отец Ганнибала Гамилькара Барка заставил своего сына поклясться перед алтарем, что он отомстит римлянам. С тех пор Ганнибал занял видное место в моих фантазиях»* [137. С. 214].

Антисемитские настроения, ярко выраженные в те времена в Европе, не могли не сказаться на формирующемся характере Зигмунда. Возможно, это обстоятельство определило ту волю к борьбе и мужество, которые демонстрировал Фрейд на протяжении всей своей жизни.

Мать Зигмунда Амалия обожала своего первенца. Материнская гордость и любовь, по мнению очевидцев, оказали решающее воздействие на ее сына. Позднее Фрейд писал: *«Я убедился в том, что лица, которых почему-либо выделяла в детстве мать, обнаруживают в последующей жизни ту особую самоуверенность и тот непоколебимый оптимизм, который нередко кажется героическим и действительно создает этим людям успех в жизни»* [137. С. 299].

С другой стороны, вероятно, в силу либерального характера отца Фрейд вырос без глубокой веры в Бога. Раннее чтение Библии оказало на мальчика скорее интеллектуальное, чем религиозное воздействие. Более существенное значение для становления личности Фрейда имели величественные образы исторических персонажей: Ганнибалла, Сократа, Эдипа, Моисея, Леонардо да Винчи... Фрейд будто впитал в себя энергию, мудрость и мужество этих героев. Божественная страсть к знанию вывела его на дорогу Героя – дорогу познания самого себя.

В 1873 году по настоянию отца Зигмунд поступил в Венский университет, по окончании которого в 1881 году ему была присвоена степень доктора медицины. В течение следующих пятнадцати месяцев Фрейд работал в Физиологическом институте. Но в 1882 году ввиду

бедственного материального положения им было принято судьбоносное решение – оставить Институт Брюкке и посвятить себя врачебной практике [25].

Постепенно интерес Фрейда сосредоточился на нервных болезнях. Следует отметить, что это было время анатомического подхода к нервно-психическим заболеваниям. Причинами последних признавались исключительно мозговые нарушения, например опухоль. Никому и в голову не приходило, что источник телесных недугов может лежать в душевных переживаниях пациента. Врачи рассматривали больного как «страдающее тело», игнорируя историю его жизни и то, что мы сейчас называем психикой.

В 1885 году, обучаясь в клинике «Сальпетриер» у знаменитого французского невролога Жана-Мартена Шарко, «первым прояснившего проблему истерии», Фрейд всерьез поставил под сомнение свои прежние механистические взгляды. Шарко также произвел неизгладимое личное впечатление на молодого Фрейда. Отныне Фрейда все больше и больше привлекал *клинический метод* изучения больного – через наблюдение и соотнесение различных фактов его жизни [25].

Венский врач Йозеф Брейер (1842–1945), с которым долгие годы дружил и сотрудничал Фрейд, был еще одним человеком, причастным к зарождению новой науки. Брейер подарил психоанализу *катартический метод* и самый первый клинический пример – *случай Анны О.* (Берты Паппенгейм).

С декабря 1880 по июнь 1882 года Брейер лечил фрейлину Анну О. Пациентка была одаренной девушкой двадцати одного года от роду, у которой после смерти отца появилось множество тяжелых симптомов. Ее мучили: спастический паралич конечностей, расстройства речи и зрения, отвращение к пище и нервный кашель. Рассказывая во время сеанса о деталях зарождения своих симптомов, пациентка чувствовала существенное облегчение вплоть до их полного исчезновения. Она назвала подобную процедуру *лечением разговором*, или *процитированием труб* [124].

В течение года Брейер терпеливо наблюдал эту пациентку. Благодаря его проникательности и таланту на вооружении психотерапии появился новый метод, который Брейер назвал *катартическим* и который успешно используется до сих пор.

Случай Анны О. произвел на Фрейда особое впечатление. Его все более занимала *идея о психогенном происхождении определенных расстройств*, например симптомов истерии. По наблюдению Фрейда, скрытые мысли и переживания порождают внутреннюю борьбу и болезненные симптомы. Все это означало, что какой бы неизвестной ни была неврологическая основа болезни, сами ее симптомы могут быть устранены посредством *одних только психических представлений*. А это, в свою очередь, открывало врачам дверь в психологию.

С декабря 1887 года Фрейд все чаще начинает использовать в своей работе с пациентами гипнотическое внушение и катартический метод – воспоминания пациента в состоянии гипнотического внушения. Однако Фрейду, как и другим врачам, не всегда удавалось достаточно глубоко погрузить пациента в гипноз. Кроме того, гипнотическое внушение приносило облегчение пациенту на очень короткий срок. Так или иначе, но выраженная неудовлетворенность «эффективностью» гипноза побуждала Фрейда вносить коррективы в общепринятую методику лечения. Фрейд все больше и больше полагался на воспоминания пациентов. В то же время Фрейд замечал, что терапевтическое улучшение зависит *от личных отношений между терапевтом и пациентом*.

Постепенно Фрейд подошел к одному из главных своих открытий – идее *свободных ассоциаций*. Случай Элизабет фон Р. (осень 1892 года) был первым, когда Фрейд отказался от гипноза и воспользовался новым методом *психического анализа*.

Эрнест Джонс, соратник Фрейда, так описывает его работу: «Пациентку, лежащую на кушетке с закрытыми глазами, он просил сосредоточить свое внимание на конкретном симптоме и постараться воскресить в памяти все воспоминания, которые могли пролить свет

на его происхождение. Когда у пациентки ничего не получалось, Фрейд обычно нажимал своей рукой на ее лоб и делал внушение, что теперь к ней, несомненно, придут некоторые мысли или воспоминания <...> Фрейд давал строгую установку игнорировать любую критику и выражать любую мысль, даже если она кажется не относящейся к делу, не имеющей большого значения или слишком неприятной» [25. С. 21].

Иначе говоря, от пациента требовалось одно – совершенно свободно говорить все, что приходит на ум в процессе лечения. Постепенно, в противовес общей практике, Фрейд научился не прерывать поток мыслей пациентов во многом благодаря своему терпению и внутренней установке на «невмешательство».

Метод свободных ассоциаций ознаменовал зарождение нового подхода к психическим расстройствам и душевной жизни человека вообще. В 1896 году в одной из своих работ Фрейд впервые использовал революционный по тем временам термин – *психоанализ*, понимая под этим и метод исследования психических процессов, и новый метод лечения неврозов. Свободные ассоциации действительно стали свободными.

Глубины бессознательного (топографическая модель)

Психическая жизнь человека подобна айсбергу, лишь малая часть которого возвышается над водой и осознается нами.

З. Фрейд

Жизнь ежедневно свидетельствует в пользу того, что «мы не являемся хозяевами в своем собственном доме». Многие из того, что с нами происходит, не осознается или оказывается вне сознательного контроля. Труднее всего понять самих себя.

Первым утверждением психоанализа было признание важной роли бессознательных процессов в жизни человека. Психика всегда активна – и во время бодрствования, и во время сна, но лишь незначительная часть психической деятельности в каждый отдельный момент осознается нами. Зигмунд Фрейд подчеркивал: «Психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь некоторые акты и стороны душевной жизни» [120. С. 88].

Фрейд постулировал существование трех основных частей психики, схематично размещенных по вертикальной оси от наиболее поверхностного до самого глубокого слоя. Все, что составляет сознательно воспринимаемые образы и идеи (содержание памяти, мысли, интересы, чувства), было отнесено к поверхностному слою – *сознательному*. Несколько «ниже» размещается *предсознательное* – содержания психической жизни, способные при определенных условиях и достаточной концентрации внимания достичь области сознания. Все, что не может быть выведено в эту область, несмотря ни на какие усилия и сосредоточение внимания, относится к наиболее глубокому слою психики – *бессознательному*.

Таким образом, *прилагательное «бессознательное»* обозначает то психическое содержание, которое недоступно осознанию вообще или в данный момент. Прежде всего бессознательное включает различные формы инстинктивных побуждений, влечений, неосознаваемых представлений и воспоминаний, аффектов и фантазий. В бессознательном также широко представлены детские желания. Именно они создают сильную мотивацию поиска удовольствия без учета требований реальности и здравого смысла. В качестве *существительного* термин «бессознательное» означает одну из динамических систем, описанных Фрейдом в его ранней *топографической теории психического аппарата* [121]. Термин «топографический» происходит из древнегреческого языка и переводится как «взаимное расположение и очертания отдельных пространственных областей». С помощью топографической модели Фрейд стремился определить месторасположение психических феноменов по отношению к сознанию.

Фрейд полагал, что большая часть психического содержания и психической активности, отражающая инстинктивные влечения, никогда не была сознательной и остается таковой в течение всей жизни человека. Некоторые бессознательные представления могут переходить в сферу сознания, то есть осознаваться нами при определенных условиях. Наконец, какая-то часть бессознательного содержания является нам в замаскированной форме, «прорываясь» в виде ошибочных действий, оговорок, сновидений, бессвязных мыслей, болезненных симптомов.

Фрейд писал: *«Мы сравниваем систему бессознательного с большой передней, в которой копошатся, подобно отдельным существам, душевные движения. К этой передней примыкает другая комната, более узкая, вроде гостиной, в которой также пребывает и сознание»* [120. С. 177].

Почему бессознательное столь недоступно для индивида? Потому что на пути влечений встают два цензурных барьера, расположенных соответственно между *бессознательным – предсознательным – сознательным*. Цензура удерживает в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания) – этот процесс был назван *первичным вытеснением*. Вытеснение защищает нас от всего, что может вызвать страх, тревогу или муки совести.

Фрейд дал следующее метафорическое описание цензуры: *«На пороге между обеими комнатами стоит на посту страж, который рассматривает каждое душевное движение в отдельности, подвергает цензуре и не пускает в гостиную, если оно ему не нравится»* [120. С. 178].

Некоторое «запретное» содержание бессознательного все же достигает сознания, но затем вновь возвращается назад – вытесняется. Этот процесс именуется *собственно вытеснением* или просто *вытеснением*. Сущность вытеснения заключается в отстранении и удержании вне сознания определенных психических содержаний. Особенно наглядно вытеснение проявляется в том, что мы практически не помним события первых лет жизни. Все, что впечатляло нас в раннем детстве, кануло в реку бессознательного – мы не можем оживить первые переживания по своей воле. Наша воля и наш ум бессильны перед властью бессознательного.

Став взрослыми, мы продолжаем пользоваться вытеснением при каждом удобном случае. Как часто мы «мучительно» пытаемся вспомнить фамилии и имена хорошо знакомых, но в чем-то неприятных для нас людей. Также нередко мы искренне забываем о важных, но не интересных для нас делах. Наконец, мы отрицаем все, от чего может пострадать наше самоуважение. Последнее проявление вытеснения хорошо отражено в русской пословице: в чужом глазу соринку разгляжу, а в своем – бревно не замечу.

Более сложным результатом вытеснения являются различные психические и психосоматические заболевания. На примере истерии Фрейд показал, что неосознаваемые стремления и аффекты могут превращаться в телесные симптомы, отодвигаясь подальше от своей первоначальной причины (*механизм конверсии*). Например, запретные сексуальные желания могут не осознаваться, но переживаться как боли в области живота или половых органов [124].

Фрейд отмечал: *«Каждый раз, сталкиваясь с симптомом, мы можем заключить, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, в которых содержится смысл симптома»* [120. С. 188].

Иными словами, нередко симптом замещает то, что не осуществилось из-за вытеснения. Фрейд указывает, что симптомы имеют целью либо удовлетворение (символическое исполнение желаний), либо защиту от него. В этой связи задача психоаналитического лечения формулируется как превращение всего патогенного бессознательного в сознательное. Таким образом, некоторые из *бессознательных дериватов* (мыслей, действий, эмоций) могут достигать сознания в замаскированном виде, в результате чего обнаруживается симптом, но остается непонятным его истинное значение.

Основная часть бессознательных представлений, наталкиваясь на второй барьер цензуры, возвращается в бессознательное, избегая возможности быть воспринятой. Фрейд подчеркивал, что предложенные им термины имеют сугубо эвристическое значение и обозначают основные системы психики.

Толкование сновидений

Толкование сновидений есть царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни.

3. Фрейд

Двадцать третьего октября 1896 года умер Якоб Фрейд. Утрата отца, «эта самая важная потеря в жизни мужчины», чрезвычайно сильно повлияла на переживания и творчество Зигмунда. Он вспоминал: *«Каким-то неясным образом смерть отца очень глубоко на меня повлияла. Я высоко ценил его и всецело понимал. С его смертью истекло его время, но внутри меня это трагическое событие заново пробудило все мои ранние чувства»* [25. С 181].

С лета 1897 года Зигмунд Фрейд начал осуществлять рискованный план – анализ собственного бессознательного. Поскольку Фрейд был первопроходцем в этой области, ждать помощи ему было неоткуда. Им двигала потребность дойти до истины любой ценой. Позднее Фрейд пришел к мнению, что психоанализом могут овладеть люди, которые использовали его в первую очередь на себе – при изучении своей личности, и любой человек, «который честен, вполне нормален и видит много сновидений», может много добиться в самоанализе [135].

При самоанализе Фрейд использовал различные способы. Важную роль в нем играла переписка с близкими людьми, друзьями. Например, письма Фрейда к Флиссу исследователи рассматривают как форму индивидуального анализа, где аналитиком был Флисс, а анализируемым – Фрейд. Но решающую роль, безусловно, играл анализ сновидений. В ходе толкования собственных сновидений Фрейд открыл то, что сейчас именуется *эдиповым комплексом*. С помощью анализа сновидений своих пациентов Фрейд убедился в том, что подобный феномен является универсальным для всех людей. Дополнительными иллюстрациями в подтверждение гипотезы Фрейда стали сюжеты легенды об Эдипе и трагедии Гамлета.

Самоанализ сопровождался работой Фрейда над одним из наиболее известных его произведений «Толкование сновидений» (1895–1899). Эту книгу называют «интеллектуальным приключением, приводящим к открытию глубочайших тайн бессознательного». Сам Фрейд признавался: *«Подобное прозрение выпадает на долю человека лишь раз в жизни»* [25. С. 193].

До Фрейда о сновидениях и их значении для человека спорили ученые самых различных областей – философии, богословия, медицины. Однако не существовало одной сколько-нибудь общепринятой теории сновидений, на которую можно было бы опереться.

В то же время люди всегда придавали сновидениям особое значение. Еще в древности оракулы и прорицатели предсказывали будущее по снам и пользовались большим почетом. При этом сновидения понимались символически – как «зашифрованные» послания богов. К примеру, в Ветхом Завете мы находим символическое толкование сна египетского фараона: *«По прошествии двух лет фараону приснилось: вот он стоит у реки. И вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике. Но вот после них вышли семь других коров, худых видом и тощих плотью, и стали возле тех коров на берегу реки. И съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных. И проснулся фараон»* [11. С. 40]. Иосиф истолковал «семь тучных коров» как богатый урожай на протяжении семи лет, за которым должен был последовать столь же долгий период неурожая. Он предсказал голод и посоветовал фараону запастись зерно в течение семи лет, во время достатка и изобилия.

Другим историческим примером символической интерпретации сновидения может служить случай с Александром Македонским. При осаде города Тир Александр, раздосадованный упорным сопротивлением горожан, увидел во сне сатира, пляшущего на его щите. Толкователь разложил ключевое слово сновидения на две части – «са» и «тирос» – означающие «Тир твой». Утром город был взят.

До Фрейда отправной точкой толкования сновидения было его *явное (манифестное) содержание* – все то, что *непосредственно* всплывает в памяти бодрствующего человека в форме образов, противоречивых чувств или ощущений. Это содержание в древности объясняли божественным откровением, позднее – механическим воспоминанием о текущем дне или органически обусловленными ощущениями. Фрейд объявил картину сна, столь завораживающую сновидца, несущественной. Он увидел в сновидении *основное средство доказательства существования бессознательного*.

На примере своего знаменитого сновидения «об инъекции Ирме» (23–24 июля 1895 года) Фрейд впервые показал, как абсурдный на первый взгляд сон может выразить бессознательное желание, обострившееся в связи с последними жизненными событиями и впечатлениями (в сновидении молодая пациентка жалуется Фрейду на боли в горле, желудке. Обследуя девушку, врачи находят у нее тяжелое заболевание, которое якобы является следствием инъекции пропина, сделанной ей другом Фрейда) [137].

Ирма, состоящая в дружеских отношениях с семьей Фрейда, страдала от истерического страха и соматических симптомов. Ее лечение было прервано, не завершившись успехом. Сновидение как бы завершало эту ситуацию нужным для Фрейда образом. Он писал: «*Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам. Оно создало именно ту ситуацию, которую мне хотелось бы; его содержание является, таким образом, осуществлением желания*» [137. С. 134].

Так Фрейд ввел новый термин – *скрытое, или латентное, содержание сновидения*. Он предложил собственную теорию сновидения – *теорию исполнения желания*, в соответствии с которой скрытое содержание сновидения включает исполнение желания (1900 год) или, как позднее заметил Фрейд, «попытку исполнения желания» (1925 год). Таким образом, *сновидение представляет собой (скрытое) осуществление подавленного (вытесненного) желания*.

В «Толковании сновидений» Фрейд пишет: «*В сновидении играют наиболее видную роль две психические силы, из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и благодаря этой цензуре способствует искажению этого желания*» [137. С. 160].

Сновидения, в которых прямо исполняются бессознательные желания, распространены у детей, но достаточно редко встречаются у взрослых людей. Так, если ребенок мечтает об интересном путешествии, то он непосредственно совершает его во сне. Сновидение же взрослого человека напоминает ребус, в элементах которого зашифрованы «неосознаваемые мысли». На примере собственных снов Фрейд показывает, какие разнообразные и замысловатые формы принимало его простое желание – посетить Рим.

Для анализа истинного (скрытого) значения сновидения Фрейд предложил использовать метод свободных ассоциаций. Для этого необходимо перенести внимание на детали сновидения и вспоминать все, что влечет за собой каждая из них. Всякая критика в момент рождения ассоциаций должна быть блокирована. Множество ассоциаций, пересекаясь, образуют устойчивое ядро, за которым явно угадывается бессознательное представление или неосознаваемое желание.

В «Толковании сновидений» Фрейд дает ответ на вопрос: почему люди видят сны, и приводит перечень выявленных им источников сновидений [137]: а) свежий и нейтральный материал, к которому относятся дневные впечатления, и то, что не было завершено днем, так называемые дневные остатки; б) неразрешенные в течение жизни значительные переживания,

потрясения, мысли; в) инфантильный материал – детские воспоминания и желания, относительно которых память в бодрствующем состоянии оказывается бессильной; г) соматические процессы – внешние и внутренние ощущения от органов чувств (боль, голод, жажда).

В любом случае сновидение происходит из близкого или далекого прошлого. Явное содержание сновидения преимущественно связано с последними впечатлениями – событиями предыдущего дня. Истинное же значение сновидения определяется более ранними переживаниями. Так, переживание во сне сильного страха, по мнению Фрейда, обусловлено вытесненными сексуальными желаниями, реже – физическим недугом (например, болезнью легких). Повторяющиеся сновидения чаще всего указывают на их «детское происхождение». Таким образом, во время сна происходит сложнейшая психическая работа. Дневные впечатления (дневные остатки) перерабатываются, усиливаются бессознательными желаниями и прошлыми переживаниями, «облагораживаются» цензурой и направляются в сознание в форме воспринимаемой картины. Этот процесс Фрейд назвал *работой сновидения по преобразованию скрытого содержания сновидения в явное*.

Сновидения непонятны сновидцу. По мнению Фрейда, это происходит вследствие того, что сновидение, «боясь» цензуры, само себя искажает. Фрейд подробно описал *механизмы работы сновидения* [137]:

1. В качестве первого искажающего механизма Фрейд называет *сгущение*, в результате которого элементы сновидения, имеющие нечто общее, предстают как единое целое. Поэтому в отличие от дневной мысли сновидение обрывочно и непоследовательно.

В этом механизме проявляется склонность людей принимать часть за целое. Например, подарок, сделанный любимым человеком, или вещь, принадлежащая ему, почитаются и лелеются, как будто они представляют собой целиком этого человека. Приснившиеся нам люди нередко соединяют черты двух или нескольких лиц в одном образе. Например, нам снится коллега по работе, но одновременно мы чувствуем, что это совсем другой человек – наш бывший одноклассник в облике нынешнего сослуживца. Фрейд называет этот феномен «коллективным образом», или «коллективной личностью». Таким образом, в сновидении смешиваются и усредняются самые разнообразные представления на основе едва уловимого сходства между ними. По мнению Фрейда, все сновидения без исключения изображают непременно самого спящего.

2. Не менее часто в сновидениях задействован такой механизм, как *смещение*. Он представляет собой перенос акцентов вплоть до полной переоценки всех психических ценностей. Переворачивание, превращение в противоположность – наиболее частое явление в сновидениях. При этом важное становится неважным, а какой-то скрытый элемент замещается чем-то отдаленным, то есть намеком. Например, в ситуации волнующего ожидания какого-либо важного события взрослому человеку с большой вероятностью может присниться школьный экзамен. Для иллюстрации смещения Фрейд вспоминает анекдот, где сельский кузнец совершил преступление, за которое полагается смертная казнь. Суд решил, что вина должна быть искуплена, но поскольку больше кузнецов в деревне не было и он был незаменим, а портных, напротив, было целых три, то вместо кузнеца повесили одного из них.

В то время как представления претерпевают различного рода превращения, аффекты остаются неизменными. Следовательно, полезным вопросом на пути толкования сновидения может быть такой: какие чувства породили данное сновидение или с каким чувством проснулся сновидец?

3. Третий механизм сновидения – *изобразительность*. Фрейд говорит о своеобразной регрессии, когда в сновидении абстрактное представление опускается на более низкий чувственный уровень. Мысли при этом искажаются тем, что переводятся преимущественно в зрительные образы. Сновидение становится похоже на серию картинок с нарушенной логической связью. Логическая связь передается с помощью одновременности. То, что снится нам одно-

временно, тесно связано друг с другом. Если же сюжеты идут один за другим, между такими частями существует причинно-следственная связь.

4. Еще одну возможность искажения сновидения предоставляет *использование символов*. Они являются способом косвенного изображения. В некоторых случаях соответствие между символом и тем, что он обозначает, очевидно, в других оно более завуалировано.

В сновидениях символы используются в ограниченном объеме. За ними скрываются: родители и прочие родственники, рождение, смерть, нагота. Для раннего Фрейда большинство символических образов носили сексуальный характер и ассоциировались с телом. Например, все удлинённые предметы, а также шляпы и галстуки символизировали мужские гениталии; напротив, полые емкости – сосуды, сумки, пещеры, дома – являлись символами женского тела; ритмичное восхождение по лестнице указывало на половой акт; король и королева изображали преимущественно родителей спящего, а принц или принцесса – его самого. Позднее Фрейд расширил понимание символики за пределы сексуальности.

Символы проявляются в сновидении в качестве так называемых безмолвных элементов; сам индивид не способен предоставить для них ассоциации. Однако Фрейд никогда не настаивал на том, что любой образ должен обязательно иметь символическое или сексуальное значение, в конце концов, «сигара может быть просто сигарой».

Фрейд первоначально избегал толкования символов, поскольку они казались ему неким шагом назад, как бы составлением сонника. Но позднее он признал, что на основе имеющегося у каждого человека бессознательного знания о связи между символом и тем, что он обозначает, могут быть выявлены скрытые отношения между вещами. *«Символика, пожалуй, является самой удивительной главой учения о сновидениях. Прежде всего, поскольку символы являются устоявшимися переводами <...> они при известных обстоятельствах позволяют нам толковать сновидения, не спрашивая сновидца, который все равно ничего не понимает в символах»* [137. С. 302].

Зная, с одной стороны, символы сновидения, а с другой – личность сновидца, условия, в которых он живет, и впечатления, из которых составлены сновидения, можно толковать сновидение сразу, как бы переводя его с листа. Однако интерпретация «постоянных» символов не должна исключать и заменять свободные ассоциации. Только тогда, когда к соответствующей части сновидения не может быть подобрано никакой ассоциации, можно отталкиваться от общих символов.

5. Последней задачей работы сновидения является *вторичная переработка*. Это означает, что истинное содержание сновидения дополнительно искажается в процессе его осмысления и пересказа. Пытаясь вспомнить и понять сновидение, мы «достраиваем» его до логически связного рассказа или картины. При этом мы исключаем из сновидения как ненужные наиболее непонятные элементы и, наоборот, там, где это кажется необходимым, делаем вставки.

Каждый человек, возможно, на самом себе замечал воздействие этой вторичной переработки. Просыпаясь ночью ото сна, мы некоторое время продолжаем верить в его реальность, безо всякого удивления вспоминая запутанные события. После полного пробуждения этот хаос сновидения трансформируется в понятный образ или структуру, многое утрачивая. Пробелы заполняются, вставляются связующие части, являя сновидение в новом виде.

Итак, сновидение является полноценным психическим актом, движущей силой которого выступает стремящееся к удовлетворению желание. В сновидении истинные мысли и желания предстают в искаженной форме. Искажения проистекают из воздействия внутренней цензуры, решающей, что хорошо, а что плохо и недостойно. Благодаря анализу собственных сновидений Фрейд сделал важное открытие: в сновидениях представлено прежде всего детское бессознательное. Иными словами, жизнь в сновидениях проистекает от «остатков доисторического периода» – возраста от одного до трех лет, события которого обычно забываются. Фрейд обна-

ружил, что так называемая амнезия детства удивительным образом может быть преодолена посредством анализа сновидений и связанных с ним ассоциаций.

Разложение явного сновидения на скрытые содержания Фрейд назвал *толкованием сновидений*. Это означает обратный путь в сравнении с работой сновидения. При анализе сновидений можно идти различными путями: исследовать дневные остатки и подбирать к ним ассоциации; можно проанализировать наиболее яркие моменты или, напротив, обратить внимание на те элементы, которые больше всего изменяются при повторях. В любом случае целью толкования являются ассоциации, уводящие в прошлое сновидца. На вопрос о том, может ли быть истолковано каждое сновидение, Фрейд отвечал отрицательно.

Анализируя сновидения, Фрейд заметил, что некоторые из них встречаются и повторяются у большинства людей. Фрейд назвал их *типичными сновидениями*. В качестве примеров можно назвать сны о полете, падении, наготы или ощущении «связанности». Фрейд усматривал источники данных сновидений в инфантильной сексуальности. Например, повторяющееся сновидение о наготы может обнаруживать детские эксгибиционистские наклонности, поскольку известно, что маленькие дети получают удовольствие от обнажения.

Сны о смерти близких людей, которые тоже возникают очень часто и в типичной форме, по мнению Фрейда, указывают на когда-то имевшееся, но вытесненное желание смерти кого-то из родственников. Представления ребенка о смерти далеки от реальной ситуации. Для маленького ребенка «умереть» значит «уйти, не мешать». Многие дети имеют весомые основания желать отсутствия брата, сестры или кого-то из родителей. Фрейд сделал тонкое наблюдение, что сновидения о смерти родителей в большинстве случаев касаются родителя одного пола со спящим. Мужчине чаще снится смерть отца, женщине – матери. Данное обстоятельство Фрейд объяснил наличием бессознательной враждебности к родителю своего пола.

В сновидениях об экзаменах Фрейд обнаружил связь с неизгладимыми воспоминаниями о наказаниях за совершенные детские проступки, что ассоциируется со строгой экзаменовой. С другой стороны, Фрейд отмечает, что сновидения об экзаменах наблюдаются лишь у тех, кто их выдержал, и никогда – у тех, кто провалил их. Поскольку сны о провале на экзамене повторяются перед ответственным событием и вызывают страх у сновидца, по мнению Фрейда, они могут играть утешающую роль – «такое уже было, и страх оказался напрасным».

Если сущностью сновидения является исполнение желания, то почему же человеку снятся мучительные кошмары, сны о наказании или несчастье? Фрейд говорит, что и в этом можно обнаружить скрытую выгоду. Например, если человек вновь и вновь видит во сне сцены пережитой катастрофы, это может быть связано с его потребностью задним числом справиться с болезненной ситуацией, изменить прошлые события к лучшему.

Фрейд отстаивал точку зрения, что единственная функция сновидения состоит в том, чтобы посредством воображаемого удовлетворения устранить оставшееся от прожитого дня напряжение от неудовлетворенных потребностей. В этом смысле «сновидение – это страж сна, а не его нарушитель». Благодаря «галлюцинаторному исполнению желания» обеспечивается спокойный сон сновидца [137].

Позднее в ходе многочисленных экспериментальных исследований было установлено, что около 20 % времени ночного сна приходятся на так называемые фазы сновидений. Лишение человека сна вообще или фаз сновидений приводит к появлению психотического состояния, тогда как прерывание фаз, лишенных сновидений, – только к значительному утомлению. Таким образом, сновидения выполняют явные психотерапевтические функции. Сам Фрейд в конце своей жизни охарактеризовал учение о сновидении как «поворотный пункт в истории психоанализа», благодаря которому последний «совершил шаг от психотерапевтического метода к глубинной психологии». После смерти Фрейда теория сновидения была дополнена и усовершенствована его последователями. Современные исследователи рассматривают сно-

видение более широко – как феномен, вплетенный в общую жизненную ситуацию личности сновидца.

Влечения и их судьба

Влечения – это мифические существа, величественные в своей неопределенности.

З. Фрейд

Длительное время психоанализ упрекали в «биологизаторстве». Действительно, первоначально фрейдовская теория была биологически ориентированной и подчеркивала первичность инстинктов. Говоря об инстинкте, Фрейд имел в виду биологически наследуемое поведение, характерное для вида в целом.

В широком смысле *инстинкт* – это жесткая схема поведения, которая постепенно развивается во времени и почти не изменяется в течение жизни. Этот паттерн как бы подчинен заранее заданной биологической цели и привязан к определенному внешнему объекту. Современная психологическая наука признает и изучает инстинктивные основы поведения человека, но подчеркивает при этом их принципиальное отличие от животных инстинктов: у человека они почти не проявляются в чистом виде, поскольку с первых минут жизни регулируются социальными условиями [158].

На вопрос, существуют ли в человеке унаследованные психические образования, подобные инстинктам животных, Фрейд отвечал положительно. Аналогом инстинктов он признавал «унаследованные филогенетические схемы», о которых мы можем судить по так называемым первичным фантазиям. *Первофантазмы* – это некие бессознательные структуры, которые не обязательно являются следствием пережитых индивидом событий, но выступают результатом развития всего человечества. Это могут быть сцены внутриутробной жизни, каннибализма, кастрации, полового акта между родителями, соблазнения. На основе данных врожденных структур формируются более сложные фантазии. Так, у некоторых людей присутствует фантазия, что они были свидетелями интимных отношений собственных родителей, хотя в действительности они этого никогда не видели.

В ранних психоаналитических теориях термин «инстинкт» использовался в более широком значении – для описания мотивационных сил человеческого поведения вообще. Но если инстинкты не имеют прямого значения в жизни человека, то что в таком случае лежит в основе его поведения? Для обозначения внутренних мотивационных сил, обуславливающих активность человека, Фрейд в 1905 году предложил новый термин – «*влечения*» (в немецком варианте *trieb* – «инстинкт, толчок, импульс»). Со временем теория влечений стала одним из краеугольных камней психоанализа.

По определению Фрейда, *влечение* – это постоянная динамическая сила, подталкивающая человека к действию. Оно исходит не из внешнего мира, а изнутри организма. Влечение происходит из телесных раздражений, но не сводится к последним. Фрейд писал: «*Влечения – это то, что находится на границе психического и соматического, как психические репрезентации (в сознательном, предсознательном или бессознательном) стимулов, порождаемых физиологическими процессами*» [121. С. 164].

В работе «Влечения и их судьба» (1915 год) Фрейд в качестве основных характеристик влечения назвал: *напряжение, источник, цель и объект* [121]. *Напряжение* влечения – это «сумма его силы», «двигательный момент», его энергия, поэтому влечение переживается человеком как внутреннее давление, побуждающее к активности. Под *источником* влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого выражается во влечении – состоянии телесного возбуждения. *Целью* влечения, по Фрейду,

является *удовлетворение*, которое достигается в результате устранения возбуждения. Если напрямую не удастся устранить раздражение, то для достижения своей цели влечение может выбирать обходные пути.

Наконец, *объектом* влечения выступает тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели удовлетворения. Фрейд отмечает, что это самый изменчивый элемент влечения. Объектом удовлетворения могут выступать как внешние объекты, так и части собственного тела. Один и тот же объект может служить одновременно для удовлетворения нескольких влечений. Особенно тесная привязанность влечения к объекту называется *фиксацией*.

Первоначально Фрейд выделил две группы влечений – *сексуальные влечения (сохранения рода)* и *влечения Я (самосохранения)*. Метафорически это можно выразить как «любовь и голод». У маленьких детей два влечения слиты воедино, но по мере развития они отделяются друг от друга. По мнению Фрейда, в их противоположности вся суть психического *конфликта*.

Влечения Я порождают множество потребностей, связанных с телесными функциями, необходимыми для поддержания жизни индивида и его самосохранения. Поскольку влечения Я могут быть удовлетворены лишь посредством реального объекта, они очень быстро переходят от принципа удовольствия к принципу реальности, в то время как сексуальные влечения остаются во власти первого.

Сексуальные влечения, напротив, могут получить удовлетворение не только с помощью внешнего объекта, но благодаря собственному телу, а также фантазиям. Они многочисленны и проистекают из разнообразных органических источников. Целью каждого из них является *телесное наслаждение*. Они обладают поразительной способностью замещать друг друга и изменять свои объекты, если прямое удовлетворение невозможно.

Говоря о *судьбе* сексуальных влечений, Фрейд описал четыре возможных способа их превращения в норму и патологии [121]:

- превращение влечения в свою противоположность;
- реактивное образование (изменение неприемлемого в приемлемое);
- вытеснение (изгнание из сознания неприемлемых импульсов, представлений или чувств);
- сублимация (смещение влечения на несексуальные цели).

Фрейд тщательно исследовал первый путь – превращение *сексуальных влечений в свою противоположность*. Хорошо известно, что страстная любовь при неблагоприятных обстоятельствах может перейти в свою противоположность – испепеляющую ненависть, а страх – в ярость.

В норме: способность сексуальных влечений превращаться в свою противоположность проявляется в форме *амбивалентности* – одновременного переживания противоположных чувств. Эта особенность человеческой психологии широко отражена в языке. Мы говорим: «страшно интересно», «ужас, как хорошо», «умираю от любви» и т. д. Любой из нас испытывает одновременно положительные и отрицательные чувства к близким людям, которых мы, несомненно, любим.

Фрейд выделял три ведущие формы проявления амбивалентности влечений: *любовь – ненависть*, *садизм – мазохизм*, *стремление показывать себя – стремление к подглядыванию*. При этом он добавляет, что любовь способна не на одну, а на три противоположности: любить – ненавидеть; любить – быть любимым; любить другого человека – любить самого себя.

По мнению Фрейда, ненависть порождается не сексуальными влечениями, а *влечениями самосохранения* и выражает отношение ко всему чужому (опасному) из внешнего мира. Если позже объект превращается в источник наслаждения, то он становится любимым и в то же время сливается с Я. Аналогично этому первоначальный садизм может обратиться против себя и стать пассивным мазохизмом. Фрейд приходит к важному заключению: «*Участь влечений*

состоит в том, что они подвергаются влиянию трех полярностей, господствующих в душевной жизни. Из этих трех полярностей активность – пассивность можно было бы назвать биологической, Я – внешний мир – реальной и, наконец, наслаждение – неудовольствие – экономической полярностями» [121. С. 176].

Несмотря на то что классификация влечений Фрейдом постоянно развивалась, неизменным оставалось признание их полярности. Фрейд полагал, что всякая мотивация в конечном итоге сводима к двум противоположным тенденциям. В связи с этим теорию Фрейда нередко называют *дуалистической теорией*.

В отношении влечений можно выделить несколько классификаций, предложенных в разное время Фрейдом, например:

- 1) сексуальные влечения – влечения к самосохранению (влечения Я);
- 2) объектная любовь (направленная вовне) – любовь к себе;
- 3) сексуальные влечения – агрессивные влечения;
- 4) влечение к жизни – влечение к смерти.

В ходе жизни теоретические представления Фрейда по данному вопросу подвергались неоднократному пересмотру. В 1920 году в работе «По ту сторону принципа удовольствия» он объединил сексуальные влечения и влечения самосохранения в единое понятие – *влечение к жизни (Эрос)*. Под влиянием идеи Сабины Шпильрейн Фрейд также ввел новый термин – *влечение к смерти*, что не было в полной мере принято последователями Фрейда, и до сих пор вопрос о влечении к смерти остается одним из самых спорных в психоаналитической метапсихологии.

Каковы же причины, побудившие Фрейда сделать столь рискованный шаг? Психоанализ учит нас отыскивать причины прежде всего в личных обстоятельствах. К моменту написания работы «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд пережил несколько по-настоящему драматических событий. От пневмонии умерла его любимая дочь Софья. У самого Фрейда обнаружилось тяжелое заболевание, которое навсегда связало его с болью.

Теоретические изыскания Фрейда также способствовали перемене во взглядах. Были накоплены многочисленные данные, которые нельзя было объяснить одним стремлением к удовольствию или даже попыткой справиться с неприятными переживаниями. Среди таких контраргументов: навязчиво-повторяющиеся (мучительные!) воспоминания о травматическом событии, проигрывание детьми пугающих ситуаций, а также кошмарные сновидения, весьма далекие от исполнения желаний. В связи с этим Фрейд писал: «*В психической жизни действительно имеется тенденция к навязчивому повторению, которая выходит за пределы принципа удовольствия*» [133. С. 215].

К этой же группе фактов можно отнести поразительно упорное стремление людей воевать друг с другом. Фрейд стал свидетелем не только ужасных последствий Первой мировой войны, но и нависшей над Европой демонической тени фашизма.

Одновременно с этим Фрейд активно исследовал индивидуальное значение таких явлений, как амбивалентность, агрессивность, садизм и мазохизм. Данные феномены встречаются не только в случае нарушений (например, в рамках невроза навязчивых состояний или меланхолии/депрессии), но и в обычных условиях. Фрейд указывал также на распространенность мучительного чувства вины и парадоксального сопротивления лечению со стороны пациентов.

Влечение к смерти, по определению Фрейда, противоположно влечению к жизни и нацелено на полное устранение напряжения, на возвращение живого к неорганическому состоянию. Фрейд указывал на неизбежность смерти и в связи с этим на существующее внутреннее стремление всех живых организмов к ней. Эрос – это связь; цель его – создавать и сохранять все более крупные единства, тогда как цель влечения к смерти, наоборот, – в том, чтобы разрывать связи и тем самым разрушать предметы. В свою очередь, перед сексуальными влечениями стоит задача обезоружить это разрушительное действие. Поэтому либидо обращает часть

деструктивной энергии вовне на внешние объекты. Деструктивную энергию, направленную вовне, Фрейд и называет *агрессией*.

Другая часть влечения к смерти остается внутри организма, во власти либидо. Фрейд рассматривал тенденцию к саморазрушению как первичную, а агрессию как вторичную силу. Основными проявлениями влечения к смерти признавались: внешняя агрессия, садизм и мазохизм. В то же время Фрейд замечает, что отказ от агрессии представляет первую и, быть может, самую трудную жертву, которую общество должно потребовать от индивида [133].

Таким образом, теория влечений Зигмунда Фрейда претерпела несколько превращений: от резкого разграничения сексуальных влечений и влечений самосохранения к обобщению данных влечений в единое понятие «влечение к жизни», противопоставленное «влечению к смерти».

В настоящее время большинством исследователей признано, что инстинктивных влечений в чистом виде не существует. Поведение человека рассматривается как сложное взаимодействие сексуальных влечений, агрессивных побуждений, сил Я и требований окружающей среды. Тем не менее образ могущественных влечений, наполняющих человека внутренней энергией, более века остается главной метафорой психоанализа.

Стадии психосексуального развития

Невозможно представить человеческую душевную жизнь без сексуального желания в широком смысле этого слова.

3. Фрейд

В то время как концепция влечений, по образному выражению Зигмунда Фрейда, стала мифологией психоанализа, *теория сексуальности* завоевала ему широкую, хотя и не всегда положительную, известность. Психоанализ снял пелену общественного ханжества с обсуждения деликатного, но жизненно важного вопроса о природе и роли сексуальности. Впервые на уровне научного обсуждения была признана не просто важная, но ведущая роль сексуальности в психической жизни человека.

Приступая к исследованию проблемы сексуальности, Фрейд отметил, что обычно на уровне житейского сознания данный феномен ассоциируется с чем-то непристойным. При более пристальном рассмотрении сексуальность оказывается связанной с тремя характеристиками – взаимодействием полов, удовольствием и продолжением рода.

Знаменитые «Очерки по теории сексуальности» (1905 год) Фрейд начинает с того, что указывает на факт существования многочисленных отклонений в сексуальной жизни взрослых людей, ставящих под сомнение традиционные представления [132]. Например, у гомосексуалистов сексуальность оказывается оторванной не только от цели (продолжение рода), но и от обычного объекта любви. При других перверсиях сексуальная цель может быть заменена подглядыванием, ощупыванием, переодеванием, причинением боли. Поскольку сексуальные отклонения встречаются во все времена и у всех народов, то сама сексуальность, по мнению Фрейда, не может быть сведена ни к цели продолжения рода, ни к взаимодействию полов.

Ссылаясь на клинические наблюдения, Фрейд утверждал, что нарушения сексуального развития так или иначе встречаются у каждого невротика. Например, изучение истерии продемонстрировало, что ее симптомы символизируют вытесненные сексуальные желания. Другое расстройство – невроз навязчивых состояний – оказывается под влиянием очень сильных садистических побуждений и извращенных сексуальных желаний. Таким образом, рискуя своей научной репутацией и личной безопасностью, Фрейд практически открыто заявил о том, что *из-за отказа от нормального сексуального удовлетворения можно заболеть неврозом* [132].

Анализируя симптомы, психоаналитическое исследование неизбежно пришло к детской сексуальности, поскольку ассоциации пациентов постоянно уводили их в детство. Фрейд также обратил внимание на то обстоятельство, что извращенность взрослых людей имеет много общего с детской сексуальностью.

В связи с выявленными фактами Фрейд предложил рассматривать сексуальность в более широком значении, чем это было принято до него. Для решения данной задачи он ввел понятие «либидо»: *«Либидо – это сила, совершенно аналогичная голоду, в которой выражается сексуальное влечение, подобно тому как в голоде выражается влечение к пище»* [120. С. 199].

В широком смысле *либидо* – это энергия, которая направлена на продление жизни рода и синтез (слияние). Она проявляется как в физиологических, так и в психических процессах. Она присутствует также во всех позитивных аспектах человеческих взаимоотношений и является конструктивным элементом мотивации большей части человеческой активности. В более узком смысле либидо принято связывать с «энергией, проявляющейся в эротических или сексуальных целях», поэтому либидо иногда обозначают как *сексуальный инстинкт*.

Либидо как энергия сексуального влечения, в свою очередь, входит во влечение к жизни – *Эрос*. Это слово заимствовано из греческой мифологии: Эрот (Эрос) был сыном Афродиты и Ареса, он вошел в историю как бог любви (у римлян Амур) и до сих пор олицетворяет могущественную силу, которая влечет одно живое существо к другому и благодаря которому рождается все живое и продолжается человеческий род. *«Эрот страшен и людям, но и богам. Не зная жалости, он наносит неизлечимые раны, заставляет людей страдать. По древней легенде Зевс, предвидя все беды, которые может натворить Эрот, приказал Афродите умертвить его, но богиня спрятала сына в лесу, где его вскормили дикие животные, передав ему свою природную силу и животную страсть»* (27. С. 379)

С древнего времени слово «эрос» означает и бога любви, и саму любовь. Эрос-любовь издревле противопоставлялась вражде – всему тому, что разъединяет людей. Платон рассматривал данное понятие еще шире – как *страстное стремление человека к чему-либо*. Например, по его мнению, в каждом человеке заложено страстное стремление к постижению идей и сущности вещей.

3. Фрейд последовательно развивал идею, что *сексуальность* – это не только особая активность, связанная с половыми органами, но также все, что с раннего детства доставляет человеку удовольствие. Первоначально Фрейд использовал понятие «сексуальность» в значении «эротика». И только в 1920 году он предложил называть «Эросом» *влечение к жизни* вообще (включая сексуальные влечения и влечения самосохранения), противопоставив их влечению к смерти [133]. При этом понятие «либидо» всегда использовалось им для обозначения *энергии* сексуальных влечений (в настоящее время слово «Эрос» чаще применяется для обозначения самих *сексуальных влечений*).

Одной из самых революционных идей Фрейда, из-за которой он долгие годы подвергался ostracism, стала *теория инфантильной сексуальности*. В соответствии с данной концепцией сексуальность дана ребенку от рождения и проявляется уже в раннем возрасте. По мнению Фрейда, все, что мы находим в конце процесса развития, может быть обнаружено уже в самом его начале. К примеру, сосание материнской груди становится прообразом любого более позднего сексуального удовлетворения; оно включает материнскую грудь как первый объект влечения – таким образом, сначала сексуальность существует в виде удовлетворения, сопровождающего ту или иную физиологическую функцию, при этом сексуальность ребенка затрагивает все то, что не имеет прямой физиологической цели (сексуальным будет не сам процесс питания, а «побочное» удовольствие от сосания и насыщения). Постепенно младенец отказывается от объекта в акте сосания и заменяет его частью собственного тела. Обращение либидо на собственное тело Фрейд называет *аутоэротизмом*. Отказываясь от груди, ребенок продолжает

сосать собственный палец, собственный язык. Так *побочное удовольствие становится целью в себе* независимо от потребности в пище и внешнего объекта [140].

Фрейд описывает две основные особенности детской сексуальности: она возникает в связи с удовлетворением важных органических потребностей и проявляется *аутоэротически*, то есть ищет и находит объекты в своем собственном теле. Еще одной особенностью детской сексуальности является доминирование *частичных влечений* – ощупывание, обнюхивание, подглядывание и т. д. Фрейд подчеркивает, что «*у ребенка нет ничего, что делает сексуальность функцией продолжения рода*». Частичные влечения удовлетворяются (для получения удовольствия) независимо друг от друга – частью от собственного тела, частью от внешних объектов. По мере взросления частичные влечения сливаются в единую организацию под приматом генитальности. Однако при перверсиях (сексуальных отклонениях) взрослых людей также отмечается господство частичных влечений, и Фрейд делает вывод, что оба вида сексуальности – отклоняющаяся и нормальная – происходят из инфантильной.

Сексуальное развитие тесно связано не только с телесными желаниями, но и с отношениями ребенка с ранними объектами любви. Довольно рано у ребенка начинают проявляться: нежные чувства, предпочтение родителя противоположного пола, ревность к братьям/сестрам. Для обозначения совокупности переживаний, связанных с влечением ребенка к родителю противоположного пола, Фрейд ввел понятие *эдипова комплекса*. Многочисленные факты существования данного феномена Фрейд убедительно иллюстрировал сюжетами мировой мифологии и литературы. Особое значение, и по существу второе рождение, получил древнегреческий миф об Эдипе.

Миф об Эдипе дал название концепции эдипова комплекса. Со времен Фрейда и до сих пор психоанализ рассматривает эдипальные переживания как ключевой момент развития либидо. Говоря о развитии либидо, Фрейд выделил три больших периода психосексуального развития человека: период инфантильной (детской) сексуальности; период латентной (скрытой) сексуальности; период генитальной (взрослой) сексуальности.

Периоды психосексуального развития соответствуют определенным фазам *созревания сексуального влечения* и постепенного развития способности к формированию *объектных отношений*. В ходе развития отдельные области тела ребенка (эрогенные, или эрогенные, зоны) становятся важными участками удовольствия или неудовольствия. Сначала оральная зона (рот, губы, язык), затем анальная, уретральная и, наконец, генитальная области наделяются повышенной способностью к обеспечению удовольствия и разрядке напряжения.

Период инфантильной сексуальности начинается с *оральной стадии*, которая длится до года и характеризуется доминированием удовольствия от сосания/кусания. На данной примитивной ступени сексуальной организации главную роль играет эрогенная зона рта. Существенное значение также имеют тактильные ощущения. Главным объектом на этом этапе любви выступает материнская грудь.

Миф об Эдипе

Эдип – сын царя Лая и его жены Иокасты, один из самых трагических героев греческих мифов и драм. Своей известностью Эдип прежде всего обязан Софоклу, который, используя древние фиванские предания, в двух своих трагедиях создал его образ.

Софокл повествует:

Судьба Эдипа была предопределена страшным проклятием, которое навлек на себя его отец Лай, похитивший юного Хрисиппа (сына галидского царя Пелопа). Это проклятие должно было преследовать род Лая до третьего

поколения, а первой его жертвой должен был стать сам лая, обреченный пасть от руки собственного сына. Поэтому, когда у лая родился сын, он велел рабу бросить его в лесу на склонах Киферона, чтобы дикие звери растерзали его. Для большей верности он проколол младенцу ноги у лодыжек и связал их ремнем. Но раб пожалел ребенка и отдал его пастуху, случайно встреченному в лесу, а пастух принес мальчика своему господину, бездетному коринфскому царю Полибу. Полиб усыновил мальчика, дал ему имя Эдип (Ойдипус, то есть «с опухшими ногами») и вместе со своей женой Меропой воспитал его так, как подобает наследнику трона.

Эдип, конечно, считал Полиба и Меропу своими родителями. Все было хорошо, пока один подвыпивший коринфский юноша не обозвал Эдипа подкидышем. Эдип рассказал об этом Полибу и Меропе и по их реакции догадался, что они скрывают от него правду. Тогда он отправился в Дельфы, чтобы узнать от оракула о своем происхождении. Однако Пифия (оракул) ничего не сказала Эдипу о его прошлом, зато предсказала ему будущее: он убьет своего отца, женится на собственной матери и она родит ему сыновей, которых он проклянет, желая им смерти.

Потрясенный Эдип решил сделать все, чтобы не дать пророчеству сбыться. Пифия не назвала ему имена родителей, значит, ими вполне могли быть Полиб и Мeroпа. В этом случае Эдипу нельзя было к ним возвращаться. Он предпочел остаться безродным бродягой, только бы не подвергать жизнь своих родителей опасности.

Но может ли человек избежать своей судьбы? Эдип не вернулся в Коринф и пошел прямым путем в Фивы. В узком ущелье под Парнасом Эдип повстречался с колесницей, на которой восседал какой-то знатный старец. Эдип уступил дорогу, но возникшему этому показалось мало, он грубо велел Эдипу сойти в придорожную канаву и для большей убедительности хлестнул его бичом. Эдип ответил ударом на удар и хотел продолжать свой путь, но тут поднялся достойный старец и ударил его своим посохом. При всем уважении к сединам Эдип не удержался и ответил ему тем же. Удар оказался слишком сильным, и старец скончался на месте. Его спутники набросились на Эдипа, но он перебил их всех, за исключением одного раба, сбежавшего в самом начале боя.

Первая часть пророчества сбылась: незнакомый старик, убитый Эдипом, был его отцом лаем, который направлялся в Дельфы спросить оракула, как избавить Фивы от Сфинкса – чудовища с телом льва и головой женщины. Вместо лая в Фивы вернулся раб, сообщивший, что царь погиб от рук разбойников.

Придя в Фивы, Эдип избавил город от чудовища-Сфинкса. Благодарные фиванцы провозгласили Эдипа своим царем. Эдип поселился в царском дворце и женился на Иокасте. Пророчество вновь сбылось. Иокаста родила ему двух дочерей и двоих сыновей.

На двадцатом году благополучного правления Эдипа в Фивах начала свирепствовать моровая язва, сопровождавшаяся неурожаем. По просьбе Эдипа Креонт (брат жены-матери) отправился в Дельфы, чтобы узнать, как избавиться от этого бедствия. Пифия ответила, что фиванцы должны изгнать из своей среды убийцу лая, который навлек на город кару богов.

Слепой прорицатель Тиресий заявил: «Так знай же, Эдип, что ты – убийца своего отца! И ты же по неведению женился на собственной матери!» Эдип призвал к себе Иокасту, и та поведала ему историю своего сына.

В это время пришло известие, что умер Полиб. Метропа звала Эдипа на царство и сообщала, что он не родной их сын, а найденный. Иокаста поняла все. Со страшным криком она бросилась в свою спальню и лишила себя жизни.

Приведенный раб подтвердил, что не выполнил приказа лая и действительно отдал новорожденного пастуху царя Полиба. Он же был тем самым спутником царя лая, который остался в живых после роковой стычки в ущелье под Парнасом, когда Эдип по незнанию убил своего родного отца.

Вне себя от отчаяния Эдип бросился в спальню Иокасты и нашел свою супругу и мать уже мертвой. Эдип выдернул из платья Иокасты золотую булавку и выколол себе глаза. Он отправился в изгнание как человек, ненавистный богам, навлекающий беды на общество. Сопровождаемый дочерью, добровольно последовавшей за ним в изгнание, Эдип долго скитался. Наконец он пришел в священную рощу Эвменид, чтобы покинуть этот мир [27. С. 367–370].

Следующая – *анальная стадия* протекает в возрасте от года до трех. Здесь доминирует удовольствие от напряжения и расслабления тела, в том числе мышц сфинктера. По мнению Фрейда, на первом плане в этой фазе выступают садистские и анальные частичные влечения. Противоположность мужского и женского пока не имеет большого значения, она заменяется противоположностью активного и пассивного, которую Фрейд называет предшествующей сексуальной полярности. Здесь также сильно проявляются влечения к разглядыванию и познанию. От трех до шести лет можно говорить о *фаллической стадии* развития либидо. Это время, когда в полной мере разворачивается эдипов комплекс. Ребенок начинает проявлять явный интерес к родителю противоположного пола. Одновременно с этим по отношению ко второму родителю могут проявляться враждебность, ревность и желание его устранения. Там, где несколько детей, отец нередко отдает предпочтение дочери, а мать – сыну, эдипов комплекс разрастается в семейный. Фрейд отмечает, что первый выбор объекта у людей всегда инцестуозный, у мужчины – направленный на мать и сестру, у женщины – на отца и брата [140].

Латентный период протекает от шести до одиннадцати лет и характеризуется временным снижением активности сексуальных влечений. Большинство более ранних переживаний вытесняются, подвергаясь инфантильной амнезии. Фантазии и жизнь ребенка в это время подготавливают последующее отделение от родительских объектов.

Далее наступает период *генитальной (взрослой) сексуальности*, начинающийся с подросткового возраста и длящийся всю последующую жизнь. С достижением подросткового этапа у индивида появляется возможность сексуального удовлетворения посредством *внешнего объекта*. Теперь он вынужден противостоять собственным фантазиям и желаниям, часть которых является дериватами парциальных (частичных) влечений.

Отрочество становится поворотным пунктом развития либидо и подчинения всех частичных влечений примату гениталий. Иначе говоря, все сексуальные влечения объединяются в общую организацию. Фрейд писал: «С этого времени индивид должен посвятить себя великой задаче отхода от родителей, и только после ее решения он может перестать быть ребенком, чтобы стать членом социального целого. Для сына задача состоит в том, чтобы отделить свои либидинозные желания от матери и использовать их для выбора постороннего реального объекта любви и примириться с отцом <...> или освободиться от его давления» [120. С. 214]. Фрейд замечает, что невротикам не удастся такое решение.

После того как сексуальные элементы организуются в единую систему (с доминированием генитальных тенденций), остатки инфантильной сексуальности находят нормальное

выражение в виде предварительной эротической игры (взгляды, прикосновения, поцелуи и т. п.). Сексуальное созревание сочетается, как правило, с укрощением агрессивного влечения и возрастанием контроля над влечениями. При этом *две составляющие сексуальности – эротические*, телесно окрашенные влечения и *нежные* (душевные) чувства к объекту любви сливаются воедино.

Некоторые индивиды, однако, не достигают взрослой генитальной организации вследствие врожденных особенностей, проблем развития или неразрешенного интрапсихического конфликта. Их сексуальная активность напоминает таковую при инфантильной сексуальности с точки зрения условий или способа разрядки. Например, человек, получающий сексуальное удовлетворение от обнажения, подобен маленькому ребенку, с удовольствием демонстрирующему свое тело родителям. Аналогично гомосексуальность можно рассматривать как фиксацию на раннем этапе развития – этапе нарциссизма, когда любовь ребенка была обращена на собственное Я.

Теория нарциссизма

Первоначально человек имеет два сексуальных объекта: самого себя и воспитывающую его женщину.

З. Фрейд

Теория нарциссизма представляет собой еще один важный раздел в метапсихологии Зигмунда Фрейда, образующей методологическую основу современного психоанализа.

Древние греки отвели феномену нарциссизма особое место, заточив его в форму одноименного мифа, весьма запутанного и неоднозначного.

Миф о Нарциссе

Нарцисс (Наркисс, греч.) родился от связи речного бога Кефисса и нимфы лириопы. После его появления на свет предсказатель поведал родителям, что их первенец проживет долго, если не увидит своего лица.

Нарцисс вырос необычайно красивым и в то же время очень несмелым юношей. Всем занятиям он предпочитал одинокие прогулки по лесам. Из-за того что он избегал общества своих сверстников и сверстниц, нимфы считали его самовлюбленным и высокомерным. Когда Нарцисс отверг любовь нимфы Эхо, та с горя высохла настолько, что от нее остался один голос. Подруги Эхо попросили могущественную афродиту наказать Нарцисса. И афродита услышала мольбы нимф. Она послала на землю богиню мести Немезиду и своего сына Эрота. Немезида направила Нарцисса к озеру, в водной глади которого он впервые увидел свое лицо, а Эрот пронзил сердце юноши стрелой любви.

Так по воле афродиты Нарцисс влюбился в самого себя, вернее в свое отражение в водах лесного источника. По одной версии, стремясь обнять собственное отражение, Нарцисс упал в воду и утонул; по другой – Нарцисс зачах от неразделенной любви к своему двойнику, увиденному на поверхности водной глади.

Узнав о смерти Нарцисса, нимфы сжалились над ним и решили достойно похоронить. Но вместо его тела они нашли шафранный цветок с белоснежными лепестками, впоследствии получивший имя героя.

В Спарте цветок нарцисса был излюбленным орнаментом, в остальных частях Греции он считался цветком смерти [27. С. 228–229].

Мы видим, как древний миф соединил в этом образе, казалось бы, несоединимые вещи – смерть, сексуальную любовь и любовь к самому себе. Одновременно мы убеждаемся, что переживания человека по отношению к себе самому имеют такую же древнюю историю, как и отношения с окружающими. Нарциссизм развивался параллельно с развитием самосознания человечества. Отдавая дань мифам, мы все же должны признать, что тема нарциссизма не была главной в жизни древних цивилизаций.

Нарциссизм также не был господствующим переживанием европейцев XIX века. Зигмунд Фрейд не сразу обратил внимание на данный феномен. В его первоначальных работах упоминания о нарциссизме отсутствуют. Сам термин «нарциссизм» предложен Некке в 1899 году после осуществленного Хэвлоком Эллисом сопоставления греческого мифа о Нарциссе со случаем мужской аутоэротической перверсии (сексуального «извращения»). Некке описал состояние, при котором человек относится к собственному телу как к сексуальному объекту – любуясь им и лаская с последующим получением сексуального удовлетворения [84].

З. Фрейд впервые использовал данный термин только в 1910 году (спустя пятнадцать лет от момента зарождения психоанализа) для обозначения гомосексуального выбора объекта. Фрейд показал, что гомосексуалисты видят сексуальный объект в самих себе, они исходят из *нарциссической установки* и ищут похожих на себя молодых людей, которых они могли бы любить так же, как мать любила их.

Открытие нарциссизма подтолкнуло Фрейда к предположению о существовании *особой стадии психосексуального развития*, промежуточной между аутоэротизмом и объектной любовью (1911 год). В своей работе «Тотем и табу» он говорит, что на определенном этапе развития субъект начинает видеть объект любви в самом себе, в своем теле, что позволяет впервые свести сексуальные влечения воедино [139].

В 1914 году Фрейд посвящает данному феномену специальную работу, названную «К введению в нарциссизм». Фрейд признает нарциссизм универсальным психологическим явлением, присущим человеческой природе вообще, а не только ее частным патологическим проявлениям: «*Нарцизм в этом смысле не является перверзией, а либидонозным дополнением к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом предполагают у каждого живого существа*» [132. С. 109].

З. Фрейд анализирует нарциссизм прежде всего на примере *парафрении* (формы *шизофрении*), которую он причислял к нарциссическим неврозам в отличие от собственно неврозов – «*неврозов перенесения*» (конверсионная истерия, невроз навязчивости, истерия страха). Фрейд подчеркивает, что у невротиков хотя и нарушается нормальное отношение к реальности, но сохраняется эротическое отношение к людям *в области фантазии*. В случае же психозов «*либидо совершенно отцепилось от людей и предметов внешнего мира <...> Либидо, оторвавшись от внешнего мира, обращается на собственное Я, и таким образом создается состояние, которое мы можем назвать нарцизмом*» [132. С. 110].

Зигмунд Фрейд выделяет два вида нарциссизма – *первичный и вторичный*. Первичный нарциссизм характеризует ранний период детства, когда либидо ребенка полностью обращено на себя, а субъективный и объективный мир слиты воедино. Младенец получает удовольствие преимущественно от своего тела, маленький ребенок верит в свое совершенство и всевластие.

Чуть позже особенности детского эгоцентрического мышления были экспериментально изучены (1923 год) швейцарским психологом Жаном Пиаже. Пиаже рассматривал эгоцентризм как главную особенность детского (дошкольного) мышления. В ходе своих исследований он обнаружил в мышлении ребенка такие особенности, как *магия* (словам и жестам придается сила воздействия на внешние предметы), *анимизм* (предметы наделяются сознанием и волей), *артифициализм* (явления окружающего мира считаются изготовленными людьми для своих

целей). Эти свойства мышления отражаются и в эгоцентрической речи маленького ребенка, который говорит как бы «для себя» без обращения к окружающим.

В работе «К введению в нарциссизм» Фрейд обращает внимание на то, что у примитивных народов мы можем наблюдать «детские» черты, одновременно схожие с бредом величия, – то же «всемогущество мысли», вера в сверхъестественную силу слова, «магические» действия [128].

Таким образом, Фрейд рассматривал первичный нарциссизм прежде всего как раннюю стадию психосексуального развития, приходящую на смену недифференцированному аутоэротизму и, в свою очередь, сменяющуюся стадией объектных отношений. Это означает, что в ходе развития какая-то *часть* либидо переносится на внешние объекты (*объект-либидо*), а какая-то – остается в Я (*Я-либидо*). Препятствия на пути развития объектной любви могут привести к фиксации на нарциссической стадии развития. В этом случае личность оказывается не способной к длительной привязанности.

В норме: лица, которые кормят ребенка и ухаживают за ним, становятся его первыми сексуальными объектами. Фрейд говорит: «*Первоначально человек имеет два сексуальных объекта: самого себя и воспитывающую его женщину*» [128. С. 122].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.